

НАЧАЛО

Сергей БОНДАРЧУК,
народный артист СССР

С чего же все начинается? Со студенческой скамьи, с первого появления в проходной студии, с того момента, когда держишь в руках сценарий или находишь, наконец, актера, который сыграет у тебя главного героя? Наверное, и с этого тоже, или даже с того неувловимого момента, когда ты еще и не думал ни о каком искусстве, но что-то остро тронуло, поразило тебя в окружающем мире. Мне кажется, творчество начинается с ощущения того, что не творишь ты не можешь, не можешь не рассказать людям, что ты ду-

маешь о них и о себе. Ощущение потребности в творчестве — вот начало всякого художника. Если нет этого, нет ощущения этой единственной, всепоглощающей потребности, то открывается доступ всему самому опасному в искусстве — шарлатанству, усталости, ремесленничеству. Открывается доступ спокойствию, а спокойствия быть не должно.

Я сам еще в общем молодой режиссер — у меня было только три картины, стоявшие мне, однако, многих лет жизни. Правда, я пришел в режиссуру уже, наверное, сложившимся актером, но ведь это совсем другая профессия, и решительно все приходилось постигать

заново. Надо было отстаивать свое право на эту профессию, отвоевывать его, утверждать, и было это очень непросто, хотя, может быть, многим сейчас и верится в это с трудом. Всегда кажется, что «те», другие мастера, начинали как-то иначе, триумфальнее что ли. А это не так. Начало всякого художника, как я уже говорил, одно — одержимость, невозможность не делать то единственное, для чего ты пришел в мир.

Но для того чтобы эта потребность в творчестве могла осуществиться, должна, по-моему, существовать та особая атмосфера доверия, чистоты, которую создавать нам всем вместе, — и молодым, начинающим, и мастерам старшего поколения, и руководству, наконец. Мы должны жить в чистом доме. Мне вспоминается, как од-

нажды Александр Петрович Довженко, придя на съемку в павильон, подошел к стоявшему там роялю, провел пальцами по клавишам и, посмотрев на свои руки, сказал: «Грязь. Она может проникнуть на экран». Атмосфера в искусстве — это стартовая площадка любого творчества.

Нам всем надо, думается мне, сделать так, чтобы в центре всего был талантливый человек. Чтобы к нему прислушивались, о нем заботились, лелеяли его. Да, лелеяли. Потому что это одно из самых ярких достижений человечества — талант. Потому что он достоин нашего самого пристального и повседневного внимания и работы для него.

В искусстве есть люди, которые творят, и есть такие, которые ставят фильмы. Есть актеры, режис-

серы, которые могут взяться за любую тему и любые темы, а не за ту единственную, которую мы называем «своей». Режиссер-ремесленник говорит себе: «Решу-ка я сегодня вот такую проблему», — и решает, худо-бедно, и фильм-то выходит на экран. Вот что самое плохое. Такая всеядность в искусстве — один из самых опасных антиподов таланта.

Но есть еще и другие люди. Это те, которые утверждают себя в искусстве. Не мир через себя, не свою тему, не свою потребность творить для людей, а себя. И только себя. Это эгоизм. И случается, что он свойствен молодому одаренному художнику. Но мы должны вовремя увидеть это. Ведь художник, если он художник, неизбежно выразит себя в творчестве — это произойдет естествен-

но и органично. Но эгоизм неизбежно воздвигнет вокруг него стену непонимания.

Нам надо больше думать о профессии — мы очень мало говорим об этом. Без овладения основами ремесла нет и не может быть художественного взлета. Искусство должно быть действенным. Само слово «актер» уже подразумевает действие, действующее лицо. Режиссер же — человек, который организует это действие.

У нас очень часто актер исполняет роль, а не создает образ. Режиссер расставляет в кадре исполнителей ролей. Это не искусство, это поделка. Иные молодые режиссеры не овладевают и, кстати, не стремятся овладеть техникой работы с актером, они боятся репетиций, потому что не умеют проводить их. А между собой под-

час бравировать «режиссерским кинематографом», «интеллектуальным кинематографом» и так далее, ругают актеров и систему Станиславского (которую не знают).

Между тем с контакта, с взаимопонимания, с сотворчества режиссера и актера начинается фильм.

Откуда берет истоки тот процесс, который перетекает потом в кинозалы, — процесс совершенно-го воздействия искусства. Не просто воздействия, но именно совершенного, когда происходит самое чудесное чудо, — все зрители до единого охвачены общим порывом, им сообщается энергия поиска художника, чувственный, эмоциональный поток. Совершается чудо, которое делает человека лучше, чище, мудрее, чудо, на которое способно только творчество.

Соб. Кувшину 1972